

АЗИАТСКО-АФРИКАНСКИЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.10>

UDC 94(517)
LBC 63.3(5)4

Submitted: 20.07.2021
Accepted: 20.02.2022

DEFEATED BEFORE THE COURT OF VICTORS: TRIALS OF REBELS DURING THE CRISIS PERIOD OF THE MONGOL EMPIRE (2nd HALF OF THE 13th C.)

Roman Yu. Pochekaev

HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The aim of the paper is a study of the evolution of legal relations on the territory of the Mongol Empire in the second half of the 13th century. The subjects of analysis are trials over the members of the ruling imperial family who were defeated during their rebellions and intestine wars. *Methods and materials.* The sources of the study are medieval oriental sources, including Persian chronicles (by Rashid ad-Din, Mu'in ad-Din Natanzi, Mirza Ulugbek), Chinese dynastic history ("Yuan Shih"), etc. The methods used in the paper are critical analysis of textual sources, historical legal study, formal legal approach, and comparative historical analysis. *Analysis.* Four judicial processes are analyzed: the trial of Arigh Buqa, defeated by his brother Kubilai in 1264; the trial of Chinggisids over Boraq, head of Chaghatai Ulus, in 1269; the trial of Khubilai over prince Nayan in 1287; and the trial of Ilkhan Gazan over usurper Baydu in 1295. Information from the sources gives a reason to state that trials of defeated nobles reflected the process of decline of the imperial state system and misuse of principles established by Chinggis Khan and his proximate successors. *Results.* The analyzed information contains valuable additions to our idea of the judicial process in the Mongol Empire, specifically in cases of mutineers compared to other types of cases judged in the Empire and Chinggisid states. It also highlights the evolution of this process during the crisis of imperial power and its differences with the Chinggisid imperial law's declared observance in the Empire and its uluses.

Key words: Mongol Empire, Golden Horde, Chaghatai Ulus, Yuan Empire, Ilkhanate, rebellions and intestine wars, judicial process, Mongol imperial law.

Citation. Pochekaev R. Yu. Defeated Before the Court of Victors: Trials of Rebels During the Crisis Period of the Mongol Empire (2nd Half of the 13th C.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 130-143. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.10>

ПОБЕЖДЕННЫЕ ПЕРЕД СУДОМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ: ПРОЦЕССЫ НАД МЯТЕЖНИКАМИ В ПЕРИОД КРИЗИСА МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ (2-я половина XIII в.)

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является исследование влияния кризиса имперской системы управления в Монгольской империи 2-й половины XIII в. на правовое регулирование отношений между империей и ее улусами и между представителями правящего рода. В это время Чингизиды, продолжая декларировать соблюдение имперских правовых ценностей, на практике применяли новые правовые нормы и принципы. Ярким примером отличия правоприменительной практики от декларируемых норм стали судебные разбирательства в отношении представителей правящего рода, потерпевших поражение во время мятежей и междоусобиц и представших перед судом победителей. Для анализа выбраны четыре судебных процесса: суд монгольского хана Хубилая над своим младшим братом Арик-Бугой в 1264 г.; дело Борака, правителя Чагатайского улуса, рассмотренное на Таласском курултае 1269 г.; решения в отношении князя Наяна, поднявшего мятеж против Хубилая в 1287 г., и узурпатора Байду, свергнутого ильханом Газаном в 1295 году. Источниками послужили сведения средневековых хронистов Рашид ад-Дина, Муин ад-Дина Натанзи, Мирзы Улугбека, китайской династийной истории «Юань ши» и др. Результаты анализа позволяют проследить эволюцию процессуальных отношений в Монгольской империи с учетом изменения взаимодействия отдельных улусов Чингизидов и масштабов той или иной междоусобицы, влияние региональных традиций на процесс принятия судебных решений. Фактически исследование представляет собой «процессуальную историю» периода кризиса системы власти и управления в Монгольской империи 2-й половины XIII века.

Ключевые слова: Монгольская империя, Золотая Орда, Чагатайский улус, империя Юань, государство Хулагуидов, восстания и междоусобные войны, судебный процесс, монгольское имперское право.

Цитирование. Почекаев Р. Ю. Побежденные перед судом победителей: процессы над мятежниками в период кризиса Монгольской империи (2-я половина XIII в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 130–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.10>

Введение. К середине XIII в. Монгольская империя достигла своего максимального территориального расширения. Невозможность управления обширными регионами с помощью прежних имперских централизованных властных институтов, с одной стороны, и выход на политическую сцену многочисленных амбициозных внуков и правнуков Чингисхана, недовольных тем положением, которое им отводили старшие родичи, с другой, – все это стало причиной восстаний и междоусобиц, не прекращавшихся всю 2-ю половину XIII века. Их территориальные масштабы и число вовлеченных участников были так значительны, что ряд исследователей видит в этих событиях распад Монгольской империи [24; 25]. История политического кризиса в Монгольской

империи получила широкое освещение в исследовательской литературе, ученые неоднократно обращались к причинам, ходу и последствиям раскола имперского политического пространства (см. подробнее: [7]), поэтому автор в рамках настоящего исследования не намерен предлагать свою трактовку этих событий и анализировать соответствующую литературу, а обращается к изучению одного конкретного вопроса – процессуальных особенностей судов над участниками мятежей и междоусобиц, для чего обратился преимущественно к тем исследованиям, которые содержат освещение данных разбирательств.

Имеет смысл отметить, что, несмотря на стремление к внутренней автономии и самостоятельной внешней политике, Чингизиды,

управлявшие улусами, отнюдь не стремились расколоть Монгольскую империю и как минимум вплоть до падения империи Юань в 1360-х гг. сохраняли имперскую государственность. Это нашло отражение в поддержании контактов между улусами и пр. и использовании имперских властных и правовых институтов, таких как монополия Чингизидов на ханскую власть, соблюдение Ясы Чингисхана, издание ярлыков и т. п. [4, с. 138–139; 16, с. 35–36, 53–57].

Однако зачастую действие этих институтов носило декларативный характер, и практика правоотношений существенно отличалась от «писаного» имперского права. Отличие правоприменительной практики от формального законодательства нашло отражение в судебной деятельности Чингизидов рассматриваемого периода. Данное исследование – попытка выяснить, в какой степени кризис власти и вызванные им мятежи и междоусобицы повлияли на изменение правовой ситуации в империи и ее улусах.

Соответственно, были выбраны четыре судебных процесса над мятежниками на пространстве Монгольской империи, освещение которых в источниках обеспечивает необходимые сведения для проведения историко-правового анализа. Это – суд Хубилая над его братом Арик-Бугой в 1264 г., разбирательство деяний Борака правителями трех улусов на Таласском курултае 1269 г., суд Хубилая над своим родичем Наяном в 1287 г. и, наконец, принятие персидским ильханом Газаном решения о судьбе своего свергнутого родича Байду¹.

Методы и материалы. Наиболее яркими примерами эволюции правоприменительной практики в период кризиса монгольской имперской государственности являются судебные процессы в отношении членов правящего рода, которые подняли мятеж или развязали междоусобную войну, но потерпели поражение. Сразу отметим, что источники, содержащие необходимую информацию, во-первых, немногочисленны, во-вторых, субъективны. Прежде всего, это – «Сборник летописей» персидского государственного деятеля и ученого Рашид ад-Дина, книга венецианского путешественника Марко Поло, сочинение среднеазиатского автора Джамала ал-

Карши и китайская династийная история «Юань ши», составители которых работали при дворе монархов-победителей и, соответственно, интерпретировали события междоусобиц и их последствий в интересах своих патронов. Дополнительная информация содержится в «Истории Шейха Увейса» персидского историка Абу Бакра Ахари, «Истории четырех улусов» известного тимуридского правителя и ученого Мирзы Улугбека, среднеазиатском генеалогическом сочинении «Муизз ал-ансаб», которые появились позже описываемых событий и, соответственно, содержат авторские интерпретации – опять же, адаптированные к официальной идеологии соответствующих государств. Однако использование методов историко-правового, формально-юридического и сравнительно-исторического исследования позволяет извлечь из этих источников интересующие нас сведения и попытаться на конкретных примерах проследить эволюцию правовых реалий на пространстве Монгольской империи в эпоху политического кризиса 2-й половины XIII века.

Хотелось бы отметить, что исследование посвящено именно процессуальным аспектам, то есть анализу следствия и судебного разбирательства, поэтому не ставилась задача оценить, в какой мере обвинения, выдвинутые против мятежников, оказавшихся под судом, соответствовали или не соответствовали положениями Великой Ясы Чингис-хана как основного имперского законодательства. В связи с этим не было использовано значительное число работ, посвященных проблемам формы и содержания этого источника права Монгольской империи, тем более что в свое время автор статьи уже посвятил данной теме специальное исследование [33].

Анализ. Первым из рассматриваемых примеров является дело Арик-Буги, внука Чингисхана, который в 1260 г. провозгласил себя ханом Монгольской империи в ущерб своему старшему брату Хубилаю. Лишь в августе 1264 г., после серии поражений и ухода большинства приверженцев, Арик-Буга явился к Хубилаю с повинной [2, с. 100–101; 20, с. 165]. Рашид ад-Дин приводит весьма любопытный диалог между Арик-Бугой и его братом-победителем Хубилаем, который «спросил: “Дорогой братец, кто был прав в

этом споре и распре – мы или вы?» – Тот ответил: «Тогда – мы, а теперь – вы» [20 с. 166]. По мнению одних исследователей, этот ответ свидетельствовал о нежелании Арик-Буги признавать себя побежденным [14, с. 129], другие считают, что им двигала «злоба» против брата, и подозревают, что ответ был приписан ему Рашид ад-Дином, придворным историографом иранских Хулагуидов – сторонников Хубилая [22, с. 106]. По мнению автора, на самом деле этот ответ отразил проблему отсутствия четкого порядка престолонаследия в Монгольской империи. В самом деле, многолетнее противостояние Арик-Буги и Хубилая (фактически – первая гражданская война в империи) имело причиной равные права братьев на трон и поддержку каждого из них многочисленными сородичами. Лишь победа Хубилая сделала его более законным претендентом на престол², что и признал Арик-Буга своим ответом, предоставив брату-победителю решать свою судьбу в соответствии с законами Монгольской империи (см. подробнее: [17, с. 26–30]). В результате Хубилай предал его суду, который был проведен с соблюдением всех требований имперского законодательства.

Еще в начале XIII в. Чингисхан сформулировал базовый принцип привлечения к ответственности членов своего семейства, по сути обозначив их особый процессуальный статус: «... пусть все близкие и дальние [его] родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить» [19, с. 264]. Таким образом, Арик-Буга имел полное право на разбирательство его дела семейным советом Чингизидов.

Судебное разбирательство по делу Арик-Буги получило весьма подробное освещение в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, что неудивительно: его информатором был Пулад-чингсанг (Пулад-ака) – сановник Хубилая, сыгравший одну из ключевых ролей в этом судебном процессе [30, р. 349]. Поэтому персидский историк приводит немало деталей, важных не только для анализа этого конкретного судебного дела, но и для понимания и реконструкции формы и содержания судебного процесса Монгольской империи в целом. Например, он упоминает, что Арик-Буга, отдавая себя на суд брата, совершил риту-

альное действие: стал на пороге юрты Хубилая, накинув себе на плечо ее полог [20, с. 165].

Факт, что Рашид ад-Дин опирался на свидетельство очевидца, подтверждается приведением множества высказываний участников процесса, порой настолько эмоциональных, что вряд ли они были выдуманы. Например, когда царевич Ачиги обвинил Асутая, сына хана Мунке, в убийстве своего брата Абишки, тот ответил весьма примечательной фразой, служащей подтверждением позиции Арик-Буги: «Я убил [его] по приказу государя, [которым] тогда [был] Арик-Бука... Ныне государь всей земли – Кубилай-каан, если он прикажет, я и тебя убью!» [20, с. 166]. Чтобы не допустить сведения счетов между своими сторонниками и приверженцами его брата, которые могли привести к новому этапу междоусобицы, Хубилай прямо-таки был вынужден провести судебный процесс. Вскоре начались первые следственные мероприятия с целью выяснения, кто именно способствовал разжиганию вражды между братьями и, соответственно, началу междоусобной борьбы.

Согласно Рашид ад-Дину, в своеобразную «следственную комиссию» вошли потомки Чагатая, сына Чингисхана, а также Джучи-Хасара и Тэмугэ-Отчигина, братьев Чингисхана, а именно царевичи Ширеки, Тогай, Бай-Тимур, нойоны Хантун, Дурбай, а также вышеупомянутый Пулад-ака. Характерно, что среди «следователей» не было ни потомков Тулуя – ближайших родственников самого Хубилая, ни потомков хана Угедея: большинство этих Чингизидов поддержало в войне Арик-Бугу.

Следствие свелось к допросу царевичей и эмиров из числа приверженцев побежденного брата Хубилая, причем поначалу Арик-Буга попытался проявить благородство по отношению к своим сторонникам и заявил, что именно он «был источником того преступления, [которое] получило распространение». Но его слова не приняли во внимание: Хубилай не захотел быть первым монгольским ханом, осудившим на смерть родного брата. Поэтому Арик-Бугу стали настоятельно допрашивать о том, кто именно из эмиров склонял его к провозглашению себя ханом, и ему пришлось назвать таковых³.

Большинство названных им эмиров подтвердили слова Арик-Буги, и лишь один из них, Чин-Тимур, сам обвинил бывшего хана, в качестве доказательства также сославшись на свидетельство Булгая – фактически первого министра ханов Мунке и Арик-Буги. Столкнувшись с противоречием в показаниях, «следователи» провели очную ставку Чин-Тимура и Арик-Буги, и, как отмечает Рашид ад-Дин, последнему «пришлось туго» и пришлось пойти ва-банк, сказав Чин-Тимуру: «Раз так, то ты оставайся в живых, а я умру». Не желавший казни брата Хубилай был вынужден признать Чин-Тимура невиновным, как и Булгая, который «слышал слова Угедей-каана и Менгу-каана» и к тому же, как надеялся Хубилай, «будет свидетелем по их делам в этих событиях перед Хулагу-ханом и другими царевичами».

Однако вышеупомянутый царевич Асутай, сын Мунке, заявил, что готов обвинить Булгая в том, что именно он подтолкнул Арик-Бугу к борьбе с Хубилаем за трон. Очная ставка между ними была проведена, и Булгаю пришлось признать свою вину, после чего были вынесены смертные приговоры ему и еще девяти эмирам – приверженцам Арик-Буги – как «злоумышленным советникам», вызвавшим междоусобицу [2, с. 101; 18, с. 189–190; 20, с. 167].

Примечательно, что Хубилай в самом начале разбирательства напомнил, что в эпоху правления Мунке сурово наказывали даже «только за незначительное сопротивление», а затем задал риторический вопрос обвиняемым: «а что же будет с вами, возбудившими все эти распри, посеявшими среди всех такое волнение и смуту и погубившими столько царевичей, эмиров и войска?» [20, с. 166]. Тем самым он дал понять участникам процесса, что не может быть никаких альтернатив смертной казни для эмиров, которые будут признаны виновными в результате следствия. Естественно, «следственная комиссия» старалась собрать максимально веские доказательства их виновности для вынесения им смертного приговора на основании Ясы Чингисхана [2, с. 103; 9, с. 74].

Когда настала очередь формальных руководителей восстания, то есть Арик-Буги и его сторонников из числа Чингизидов, Хуби-

лай созвал семейный совет с участием правителей улусов Монгольской империи – Берке, правителя Золотой Орды, персидского ильхана Хулагу и чагатайского правителя Алгуя. Им были разосланы приглашения, в которых уже содержался намек на намерение Хубилая простить побежденных родичей: «Послали гонцов к Хулагу, Берке и Алгу [с такими словами]: “Так как по причине дальности пути и множества дел и событий вам не удалось присутствовать и поскольку в случае дальнейшего промедления возможно ослабление [власти] и непоправимый ущерб в делах окраин государства, то мы казнили их эмиров и допросили их обоих [Арик-Бугу и Асутая. – *Р. П.*]. Советуемся с вами: мы, родственники, все решили простить Арик-Буку и даровать ему свободу: что вы скажете об этом?”» [20, с. 167].

Для Хубилая не было секретом, что Берке и Хулагу уже находятся в состоянии вражды, поэтому вероятность их прибытия на суд была невелика: вряд ли они оба решились бы покинуть свои владения в условиях надвигающейся войны. Алгуй же, став правителем Чагатайского улуса по воле Арик-Буги, впоследствии перешел на сторону Хубилая и теперь дожидался официального подтверждения своего статуса. В результате от всех трех правителей последовали вежливые ответы, по сути поддерживающие решение Хубилая [20, с. 167–168] (см. также: [3, с. 575–576]).

Так, Арик-Буга и Асутай, фактически развязавшие междоусобную войну, были освобождены от наказания, а другие Чингизиды – в частности, Хуку, Чапат и Кутук, потомки Угедея, а также ряд других, – были высланы в Туркестан [2, с. 101]. Все участники мятежа оставались под надзором хана Хубилая и его доверенных лиц, но сохранили привилегии, полагавшиеся потомкам Чингисхана. Судьба самого Арик-Буги в разных источниках описывается по-разному. Согласно Рашид ад-Дину, он около года находился под строгим надзором, но затем Хубилай вернул ему свое расположение и позволил бывать при дворе, участвовать в пирах и церемониях [20, с. 165] (см. также: [6, с. 326; 10, с. 58–59]). В сочинении «Родословие тюрков» XV в. не установленного автора сообщается, что Арик-Буга был заточен в некоем «квадратном зда-

нии, огороженном терновником и акацией и охранявшемся стражей» [34, р. 215].

В 1266 г. Арик-Буга скончался [20, с. 168]. Однако лишь один Джамал Карши, среднеазиатский современник событий, находившийся на службе у Хайду, соперника Хубилая, решился в своем сочинении обвинить последнего в том, что тот «поторопился навредить (Ариг-Бука) и запачкал свою руку кровью брата» [8, с. 123]. Никто из других средневековых авторов или последующих исследователей не считал возможным обвинять Хубилая в убийстве брата.

Анализ судебного процесса по делу Арик-Буги позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, несмотря на свое торжество победителя, Хубилай не считал возможным расправиться с побежденными, чтобы не предстать в глазах подданных несправедливым правителем. Во-вторых, во время следствия широко использовались такие методы получения доказательств, как допрос и очная ставка. В-третьих, для решения судьбы Арик-Буги и других царевичей Хубилай провозгласил созыв семейного совета, тем самым продемонстрировав приверженность установлениям Чингисхана, хотя имел основания полагать, что совет собрать практически невозможно. Именно это обстоятельство обусловило смягчение наказания главных руководителей восстания во главе с Арик-Бугой. Все это позволяет говорить о существенных привилегиях Чингизидов не только в политической жизни Монгольской империи, но также в уголовных и процессуальных отношениях: принадлежность к «Золотому роду» обуславливала особый порядок следствия и суда над ними и вынесения более мягкого решения, чем в отношении других лиц, совершивших такие же преступления.

Итак, Хубилаю не удалось созвать общий семейный совет Чингизидов, однако таковой был созван в рамках следующего процесса – суда над Бораком, правителем Чагатайского улуса, в 1269 году.

Борак был правнуком Чагатая, возглавившим Чагатайский улус в 1266 г. по указу Хубилая. Однако, укрепив свои позиции, он постарался вернуть те владения Чагатаидов, которые были отторгнуты в 1250–1260-е гг., и вступил в конфликт не только с Хубилаем, но

также с Хайду, правителем Улуса Угедея, и Менгу-Тимуром, властителем Улуса Джучи (Золотой Орды), начав, по сути, войну со всеми улусами Монгольской империи. Поначалу он преуспел в противостоянии с Хубилаем, занятым войной с китайской империей Южная Сун, но в борьбе с объединенными силами Джучидов и Угедеидов потерпел поражение, а его владения были оккупированы их войсками [20, с. 98–99; 21, с. 69–70] (см. также: [3, с. 581–582]).

Однако победители не пожелали окончательно расправиться с Бораком, которого надеялись использовать в борьбе с Хубилаем, поэтому предложили закончить дело миром. В 1269 г. в долине реки Талас был созван курултай с участием представителей семейств Джучи, Чагатая и Угедея, одним из вопросов которого и стало решение судьбы Борака [3, с. 582; 11, с. 22; 26, с. 153; 30, р. 351]. Правда, в итоге суд над агрессивным чагатайским правителем превратился в разбирательство взаимных претензий участников. Первым выступил Хайду, посетовав на вражду участников курултая, которые «по отцам все родные друг другу». Фактически эта речь и стала «обвинительным заключением» против Борака, который, однако, вовсе не был настроен признавать себя виновным. В ответ «подсудимый» весьма удачно повернул в свою пользу довод, высказанный Хайду: «Да, положение таково, однако ведь и я тоже плод того древа. Для меня тоже должны быть назначены юрт и средства для жизни». После чего Борак тут же обвинил Хубилая и персидского ильхана Абагу в захвате разных стран, а присутствующих – в том, что они «сообща восстали» на него, резюмировав: «Сколько я ни задумываюсь, я не считаю себя свершившим преступление» [21, с. 71].

Несомненно, чагатайский правитель строил свою защиту с учетом того, что на совете не присутствовал род Тулуя, к которому принадлежали хан Хубилай и его племянник Абага. Показательное игнорирование интересов целой ветви Чингизидов на курултае было идеологически обосновано в послании, отправленном его участниками Хубилаю и зафиксированном в «Юань ши»: «Совет вассальных князей северо-запада направил посланца ко двору [Хубилая] со словами: “Старинные

обычай нашей династии – не ханьские законы. Сегодня, [когда ты] остался на ханьской территории, построил столицу и возводишь города, выучился читать и писать [по-китайски. – Р. П.] и используешь ханьские законы, что будет со старинными [обычаями]?”» (цит. по: [28, р. 27–28]).

Что же касается упреков в адрес присутствовавших на курултае Чингизидов, то и они были приняты во внимание. Выслушав доводы Борака, его сородичи заявили: «Право на твоей стороне», после чего выделили ему $\frac{2}{3}$ Мавераннахра, то есть западной части Чагатайского улуса, ранее целиком принадлежавшего предкам Борака. Оставшаяся треть была поделена между золотоордынским властителем Менгу-Тимуром и Хайду, потомком Угедея, в качестве своеобразной контрибуции по итогам поражения Борака. В качестве компенсации Бораку было позволено напасть на Хорасан, принадлежавший ильхану Абаге [21, с. 71] (см. также: [28, р. 25–26; 30, р. 352]).

Рашид ад-Дин и другие авторы в большей степени сосредоточиваются именно на результатах разбирательства, однако в их соображениях есть интересные детали процессуального характера. Так, в отличие от обвинительного процесса по делу Арик-Буги, в данном случае имел место процесс состязательный – с заслушиванием участников, их показаний и опровержений. Этот вид процесса, несомненно, был самым ранним в степной традиции – неслучайно фраза, которой отреагировали участники курултая на доводы Борака («Право на твоей стороне»), является своего рода стандартной формулой, которая фигурирует не только в исторических судебных процессах, но и в сказочных сюжетах, связанных с судом (см., например: [15; 19, с. 95–96]). Также интересна ритуальная составляющая процедуры принятия решения участниками курултая, по итогам которого «по обряду и обычаю они скушали золота» – вероятно, съев тертый золотой порошок, либо выпив напиток с кусочками золота, положенными на дно чаш (см.: [27, с. 83]). Неслучайно В.В. Бартольд отметил: «Решения, принятые на курултае, и самый характер переговоров показывают, что все участники были проникнуты духом Ясы и степными традициями» [3, с. 583].

При анализе данного разбирательства обращает на себя внимание куда более широкое представительство потомков разных ветвей Чингисхана при решении судьбы одного из представителей рода: в отличие от процесса по делу Арик-Буги, на который не явились улусные правители домов Джучи, Чагатая и Угедея, на данном курултае отсутствовала только ветвь Тулуя. Казалось бы, решение, да еще принятое с соблюдением всех необходимых требований и ритуалов, должно было выглядеть легитимным в глазах участников суда.

Однако на деле ситуация складывалась совершенно иначе. Во-первых, в противовес Хубилаю на этом курултае был выдвинут новый хан Монгольской империи – Хайду, внук Угедея. Во-вторых, правители отдельных улусов на этом курултае приняли решение, что отныне будут фактически независимы в своих владениях, лишь номинально признавая верховенство монгольского хана [28, р. 28]. Де-факто империя превратилась в конфедерацию, и в новых политических условиях многие прежние властные и правовые механизмы утратили эффективность.

Поэтому не приходится удивляться, что никто из участников курултая не был настроен выполнять его решения. Так, Борак стал чинить препятствия сборщикам налогов, направленных Хайду в те регионы Мавераннахра, которые отошли к нему. В свою очередь, внук Угедея приказал своим отрядам, которые отправил Бораку для похода на Хорасан, не вступать в сражение с войсками ильхана, а отступить. И когда последний потерпел поражение в Хорасане, Хайду во главе 20-тысячного отряда окружил его лагерь – чтобы либо покончить с ним, либо заставить принять новые условия для сохранения жизни и власти [20, с. 99, 100; 28, р. 27]. Однако во время этих событий Борака разбил паралич, и он вскоре скончался: по одной версии – естественной смертью, по другой – будучи отравлен по приказу Хайду [21, с. 84; 23, с. 25].

Итак, и этот судебный процесс, связанный с итогами очередной междоусобицы на территории Монгольской империи, отражает попытки Чингизидов соблюдать требования, установленные Чингисханом. Столь активное участие представителей разных ветвей Чин-

гизидов в решении судьбы сородича объясняется общеимперским масштабом конфликта, а также личной заинтересованностью правителей улусов в судьбе Борака, поскольку часть его владений отходила к каждому из них. Вместе с тем кризис имперской системы нашел отражение в том, что двум улусным правителям – хану Хубилаю и ильхану Абаге – целенаправленно не было отправлено приглашение на курултай. Да и само решение, как видим, носило декларативный характер, поскольку принявшие его Чингизиды не собирались его выполнять и в условиях распада империи уже не имели механизмов обеспечить его выполнение другими.

Следующий интересующий нас процесс имел место в 1287 г. и был проведен по итогам куда меньшей по масштабам междоусобицы. Речь идет о восстании князя Наяна – потомка Тэмугэ-отчигина, младшего брата Чингисхана, имевшего обширные владения в Восточной Монголии и Маньчжурии. Предки Наяна традиционно поддерживали Хубилая, однако централизаторская политика хана вызвала недовольство Наяна и его приверженцев (в основном также потомков братьев Чингисхана), и весной 1287 г. они подняли мятеж против Хубилая, намереваясь, по одним сведениям, создать самостоятельное государство в своих владениях, по другим – признать над собой власть Хайду [12, с. 245; 20, с. 193] (см. также: [5, с. 169]).

Однако Наян оказался плохим организатором и полководцем: Хубилаю стало заранее известно о его планах, он сумел не допустить перехода на сторону мятежника потенциальных приверженцев в Монголии и не позволил ему соединиться с Хайду. Более того, хан сумел заставить мятежника врасплох и, лично став во главе войск, окружил его лагерь. В результате ожесточенного сражения Наян был разгромлен и бежал. По пути значительная часть его войск разбежалась, а сам он был либо настигнут и пленен полководцами Хубилая, либо выдан им собственными сторонниками [2, с. 495–499; 12, с. 247].

В отличие от процессов по делам Арик-Буги и Борака, основные сведения о данном деле содержатся не в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, а в «Юань ши» и особенно в «Книге Марко Поло». Согласно венецианцу,

мятежный князь был немедленно доставлен в ставку Хубилая, который тут же приговорил его к смертной казни. Приведение приговора в исполнение также описал Марко Поло: «Убили его вот как: завернули в ковер, да так плотно свили, что он и умер. Умертвили его так, потому что не хотели проливать на землю крови царского рода, на виду у солнца и неба» [12, с. 247; 32, р. 199] (см. также: [22, с. 345; 27, с. 207]). Принцип умерщвления представителя «Золотого рода» почетным способом – без пролития крови – в данном случае, как видим, был соблюден. Зато о соблюдении других требований к суду, на котором решалась судьба представителя правящей династии, источники не сообщают: не было ни разбирательства с допросом участников (включая подсудимого), ни присутствия на суде других членов правящего семейства.

Целый ряд причин мог обусловить такое, казалось бы, вопиющее нарушение принципов имперского судопроизводства. Во-первых, восстание Наяна по сравнению с предыдущими междоусобицами носило локальный характер, поскольку происходило во владениях самого Хубилая и, вероятно, рассматривалось им как «внутреннее дело», не требующее участия в процессе других улусных владетелей (тем более уже около двух десятилетий отказывавшихся подчиняться хану). Во-вторых, по мере отпадения из-под его власти других улусов, Хубилай все больше приобретал черты китайского императора провозглашенной им же в 1271 г. династии Юань и, соответственно, определяя судьбу Наяна, опирался не столько на монгольские имперские, сколько на китайские уголовно-правовые и процессуальные принципы (тем самым подтверждая обоснованность обвинений, адресованных ему участниками Таласского курултая). Согласно средневековому китайскому праву, за мятеж против императора следовала смертная казнь самих мятежников и членов их семей [13, с. 117–118]. Что же касается столь быстрого приведения приговора в исполнение, то оно могло объясняться «военным положением»: сторонники Наяна не сложили оружие после его поражения и даже смерти, а последние из них были разгромлены лишь зимой 1289–1290 гг. [5, с. 170].

Однако самой важной причиной столь быстрого решения судьбы мятежного князя, как представляется, являлось стремление Хубилая возложить всю вину на Наяна и, покончив с ним, простить его приверженцев, которых он надеялся вернуть на свою сторону. То есть хан преследовал цель, прямо противоположную той, которую ставил в процессе по делу Арик-Буги, и не пожелал выслушивать показания пленного князя с обвинениями в адрес своих соратников. Согласно «Юань ши», другие потомки братьев Чингисхана, захваченные вместе с Наяном, были отправлены в войска на границах владений Хубилая, «чтобы участвовали в сражениях и своей старательной службой отплатили за доброту [смягчения наказания]». Население восставших провинций не только не было подвергнуто репрессиям, но и напротив – освобождено от ряда налогов и повинностей в пользу государства [2, с. 500–501]⁴.

Как видим, существенное изменение политической ситуации в Монгольской империи и отчасти имперской идеологии привело к отказу Хубилая от соблюдения целого ряда принципов процессуального права, установленных его предшественниками в период единства империи.

Ярким подтверждением новой тенденции в развитии судебного процесса на имперском пространстве стало последнее из анализируемых дел – решение о судьбе Байду, потомка Хулагу, занявшего и потерявшего престол ильханов в ходе очередной междоусобной войны.

В персидской придворной историографии Байду характеризуется как узурпатор, что неудивительно: ведь историю его правления и гибели впервые записал Рашид ад-Дин – сановник и придворный историограф Газана, победителя Байду [21, с. 131–137]. Христианские современники, напротив, считали Байду не только законным, но и весьма справедливым монархом, поскольку он «верил в Христа», сверг ильхана-мусульманина и много сделал для христиан Персии, их церквей и пр. [29, р. 189–190].

Как бы то ни было, фактом является то, что Байду, которого прочили в ильханы еще в 1291 г., после смерти ильхана Аргуна, некоторое время не признавал воцарения Гейхату, брата последнего, за что был арестован им,

но вскоре прощен. Однако в марте 1295 г. Байду снова восстал против Гейхату, который был разгромлен в сражении, а затем задушен во время бегства. В октябре того же года похожая судьба постигла и самого Байду, против которого выступил Газан, сын Аргуна.

Стремясь всячески обелить своего патрона Газана, Рашид ад-Дин подчеркивал, что тот, будучи правителем Хорасана, старался всячески устраниться от междоусобиц и поэтому сначала не реагировал на призывы Гейхату помочь ему в подавлении мятежа Байду, а затем был готов признать воцарение последнего. Только стремление Байду схватить и умертвить Газана заставило царевича выступить против него [21, с. 157–161].

Однако, как представляется, Газан вовсе не был так пассивен и тем более лишен властных амбиций, ведь он был старшим сыном ильхана Аргуна и к тому же наместником Хорсана, что автоматически делало его вероятным преемником отца после его смерти. Соответственно, избрание своего дяди Гейхату он расценил как нарушение собственных прав, и в этих обстоятельствах война между Гейхату и Байду была ему выгодна. Кроме того, вскоре к нему стали перебегать многие эмиры Байду, всячески подталкивавшие его к борьбе с узурпатором [1, с. 96–97]. Его намерение выступить против ильхана нашло закрепление в акте принятия им ислама и, следовательно, возможность опереться не только на местное население, но и на многочисленных сторонников покойного ильхана Гейхату, который также принял ислам во время своего правления [29, р. 190]. Это событие состоялось в июне 1295 г., а уже осенью Газан во главе многочисленных войск выступил против Байду [31, р. 159, 162, 167].

Последний, видя, что его эмиры со своими войсками переходят на сторону Газана, не решился вступить в сражение с соперником и бежал. О последующих событиях Рашид ад-Дин повествует следующим образом: «От Новруза и Кутлугшаха [военачальников, посланных Газаном в погоню за Байду. – Р. П.] приехал эмир Баянджар [с вестью]: “Схватив Байду, его доставили из пределов Нахчувана в Тебриз, а он говорит, что у меня де есть к государю одно-два слова. Каков

будет указ?» Государь по своей прозорливости понял, что у него дельных слов нет, а что он ищет [только] предлога. [Поэтому] вышел указ, чтобы его не доставляли к его высочеству, а там же и прикончили бы его дело. Байду вывезли из Тебриза и, прибыв в Баг-и Нейкеш, там и прикончили его дело в среду 23 числа месяца зи-л-ка'дэ 694 года [4 X 1295]» [21, с. 165].

Этот казус имеет много сходств с делом князя Наяна. Точно так же междоусобица в Иране носила локальный характер, и ильхан-победитель даже не подумал, чтобы организовать хотя бы подобие семейного совета для суда над свергнутым родичем: решение о казни было принято им единолично и быстро. Более того, в отличие от Хубилая, требовавшего доставить Наяна к себе в ставку и лично вынесшего ему приговор, Газан принял решение «заочно». Главной причиной могло стать, как и в деле Наяна, нежелание правителя выслушивать обвинения свергнутого монарха против его бывших приверженцев, перешедших на сторону Газана. Кроме того, нарушение принципов имперского правосудия в данном случае могло быть обосновано тем, что Газан, принявший ислам, мог отказать в полноценном разбирательстве «неверному» Байду, который пришел к власти, свергнув Гейхату – еще одного ильхана-мусульманина.

Результаты. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что при декларативном сохранении имперских политико-правовых традиций в улусах Чингизидов реальные правоотношения претерпевали значительные изменения по мере усугубления кризиса центральной власти и роста числа междоусобных войн на имперском пространстве. Хубилай в деле Арик-Буги еще предпринимал попытки следовать требованиям, разработанным на начальном этапе существования империи – соблюдение процедуры разбирательства и вовлечение в решение судьбы своего брата основных членов рода Чингизидов. Но уже дело чагатайского правителя Борака на Таласском курултае демонстрировало значительные нарушения этой традиции – исключение из разбирательства целого ряда потомков Чингисхана и пр.

Два последних рассмотренных судебных дела, по сути, носили уже не общеимперский, а «региональный» характер, что не могло не сказаться на их процедуре. Так, вынося приговор князю Наяну, Хубилай воспользовался «военным положением», чтобы не проводить подробного расследования обстоятельств его мятежа и не привлекать к ответственности своих потенциальных сторонников, и, более того, принял решение о судьбе родича в большей степени уже как китайский император в отношении мятежника, нежели как монгольский хан в отношении своего достаточно близкого родственника.

Аналогичным образом не пожелал солициности требования «имперского» судебного процесса и персидский ильхан Газан, когда единолично принял решение о казни своего свергнутого предшественника Байду: «внутренний» характер войны (в пределах одного лишь государства ильханов) обусловил неучастие в процессе других потомков Чингисхана, а принятие Газаном ислама стало причиной принятия решения о немедленной казни его родственника, который в его глазах отныне являлся не только свергнутым узурпатором, но еще и «неверным».

Кризис монгольской имперской государственности 2-й половины XIII в. на пространстве Монгольской империи привел к фактическому приобретению самостоятельности правителями улусов, которые, несмотря на свою декларируемую приверженность к имперским политико-правовым принципам и нормам, конечно же не могли не учитывать реально складывающейся ситуации и влияния традиций регионов, которыми им довелось управлять. Это нашло весьма яркое отражение в проанализированных судебных процессах, каждый последующий из которых демонстрирует все больший отход улусных правителей от системы имперских правовых и процессуальных ценностей на практике и учет ими тех факторов политического и правового развития, которые не оказывали влияния на Монгольскую империю в 1-й половине XIII в., когда были сформулированы основные принципы и нормы «чингизидского» права, оказавшиеся не слишком актуальными в новых условиях, что и обусловило лишь декларативное следование им на практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хронологически ко 2-й половине XIII в. относятся еще два судебных процесса, хорошо известные по историческим источникам. Это суд хана Мунке над своими родичами из семейств Чагатая и Угедэя в 1251 г. и процесс по делу трех военачальников, представителей рода Джучи, осуществленный ильханом Хулагу в 1262 году. Однако они не вполне вписываются в концепцию данного исследования: Мунке судил не потерпевших поражение мятежников, а всего лишь участников неудачного заговора против него; таким образом, суд не стал итогом поражения в междоусобице, равно как и сам не вызвал раскола империи. То же касается и дела 1262 г.: военачальники-Джучиды не поднимали восстания против Хулагу, а всего лишь оказались у него на службе в тот период, когда начался конфликт между ильханом и Берке, правителем их собственного улуса (Золотой Орды). Кроме того, широкое освещение каждого из этих процессов в средневековых источниках дает основание рассмотреть их в рамках специальных исследований.

² В указе Хубилая от 7 сентября 1264 г. наряду с приговором Арик-Буге и его сторонникам провозглашается перемена девиза правления самого Хубилая «Чжун-гун» на «Чжи-юань» [2, с. 103]: таким образом, именно с поражением и осуждением Арик-Буги его брат связывал укрепление своих прав на престол.

³ По мнению Л.Н. Гумилева, «не честолюбие Арик-Буги было причиной войны (иначе и ему бы не сносить головы), а ожесточение, родившееся в борьбе партий, на которые раскололось монгольское войско» [5, с. 167] (ср.: [6, с. 326]).

⁴ Рашид ад-Дин утверждает, что вместе с Наяном казнили его соратников – потомков Есунке-Ака, племянника Чингисхана [20, с. 193], но, полагаем, в данном вопросе следует отдать предпочтение «Юань ши».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и шейх Увейс / пер. М. Д. Кязимова, В. З. Пириева. Баку: Элм, 1984. 150 с.
2. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши») / подгот. изд., пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М.: [б. и.], 2019. 744 с.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Вост. лит., 1962. 760 с.
4. Бержер С. Монгольская империя: государство кочевников // Империи Средневековья: от Каролингов до Чингизидов / под ред. С. Гугенхейма; пер. А. Изосимова. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 111–141.
5. Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М.: Клышников, Комаров и Ко., 1992. 320 с.
6. Далай Ч. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1977. С. 323–334.
7. Джексон П. Распад Монгольской империи / пер. Р. Хауталы и М. Шамсимухаметовой // Золотордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 50–83.
8. История Казахстана в персидских источниках. Т. I: Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах / отв. ред. А. Муминов; введ., пер. с араб.-перс., коммент., текст, факсимиле Ш. Х. Вохидова, Б.Б. Аминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 416 с.
9. История Казахстана в персидских источниках. Т. III: Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) / отв. ред. А. К. Муминов; пер. с перс., примеч., подгот. факсимиле Ш. Х. Вохидова; указ. У. А. Утепбергеновой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 672 с.
10. Кадырбаев А. Ш. Хубилай-хан – завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае. 2009. Т. XXXIX, ч. I. С. 56–75.
11. Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 160 с.
12. Книга Марко Поло / пер. с фр. И. П. Минаева // Путешествия в восточные страны / вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
13. Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права. М.: Наука, 1986. 264 с.
14. Мэн Д. Хубилай: От Ксанаду до сверхдержавы / пер. В. Федорова. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. 411 с.
15. Носов Д. А. Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (22). С. 5–11.
16. Почекаев Р. Ю. Золотая Орда. История в имперском контексте. СПб.: Наука, 2021. 206 с.
17. Почекаев Р. Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии: Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 366 с.
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1 / пер. с перс. Л.А. Хетагурова; ред. и примеч. А.А. Семенова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
19. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой, примеч. Б. И. Панк-

ратова, О. И Смирновой, ред. А. А. Семенов. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.

20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.

21. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / пер. с перс. А. К. Арендса, ред.: А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.

22. Россabi М. Золотой век империи монголов / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.: Евразия, 2009. 479 с.

23. Тулибаева Ж. Правители Чагатайского улуса (Извлечения из «Тарих-и арба улус» Мирзы Улугбека) // Известия Национального центра археологии и источниковедения. 2011. № 2-3. С. 21–28.

24. Хафизов Г. Г. Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 94 с.

25. Чхао Ч.-Ч. Распад Монгольской империи. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 108 с.

26. Энхчимэг Ц. Взаимоотношения Чагатайского улуса и Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 152–155.

27. Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

28. Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol State in Central Asia. Richmond : Curzon, 1997. 197 p.

29. Hayton. La flor des estoires des parties d'orient // Recueil des historiens des croisades. Documents latins et francais relatifs a l' Armenie. T. II. Paris : Imprimerie nationale, 1906. P. 113–253.

30. May T. Race to the throne: Thoughts on Ariq-Boke's and Khubilai's Claims to the Mongol Throne // Studia Mediaevalia Europaea et Orientalia. Miscelanea in honorem professoris Emeriti Victor Spinei oblata / Ed. G. Bilavski, D. Aparaschivei. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2018. P. 343–358.

31. Melville Ch. Padshah-i Islam: The Conversion of Sultan Mahmud Ghazan Khan // Pembroke Papers. 1990. Vol. 1. P. 159–177.

32. Moule A. C., Pelliot P. Marco Polo: The Description of the World. Vol. I. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1938. 596 p.

33. Pochekaev R. Yu. Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th – 14th Centuries: Legal Code or an Ideal "Law and Order" // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 724–733.

34. Shajrat ul atrak, or Genealogical tree of Turcs and Tatars / transl. and abridged by Col. Miles. London: W.H. Allen and Co., 1838. 383 p.

REFERENCES

1. Kyazimov M.D., Piriev V.Z., eds. *Abu Bakr al-Kutbi al-Akhari. Tarikh-i sheykh Uveys* [History of Shaykh Uways]. Baku, Elm Publ., 1984. 150 p.

2. Khrapachevskiy R.P., ed. «*Annaly Khubilaya*», *glavniy istochnik po istorii pravleniya pervogo imperatora dinastii Yuan (tszyuani 4–17 «Yuan shi»)* ["Annals of Khubilay" the Basic Source on History of Rule of the First Emperor of Yuan Dynasty (Chapters 4–17 of "Yuan Shih")]. Moscow, s.n., 2019. 744 p.

3. Bartold V.V. *Sochineniya. T. I. Turkestan v epokhu mongolskogo nashestiya* [Collected Works. Vol. 1. Turkestan During the Epoch of the Mongol Invasion]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1962. 760 p.

4. Berger S. Mongolskaya imperiya: gosudarstvo kochevnikov [Mongol Empire: State of Nomads]. Gouguenheim S., ed. *Imperii Srednevekovya: Ot Karolingov do Chingizidov* [The Medieval Empires: From Carolingians to Chinggisids]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2021, pp. 111–141.

5. Gumilev L.N. *V poiskakh vymyshlennogo tsarstva* [In Search of Invented Kingdom]. Moscow, Klyshnikov, Komarov i Ko., 1992. 320 p.

6. Dalay Ch. Borba za velikokhanskiy prestol pri Khubilae i ego preemnikakh [Fight for the Throne of Great Khan During the Reign of Khubilay and His Successors]. Tikhvinskiy S.L., ed. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 323–334.

7. Jackson P. Raspad Mongolskoy imperii [The Dissolution of the Mongol Empire]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization], 2017, no. 10, pp. 50–83.

8. Muminov A., ed. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. T. I: Dzhamaal al-Karshi. Al-Mulkhakat bi-s-surakh* [History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. 1: Jamal al-Karshi. Additions to the Dictionary "As-Surakh"]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. 416 p.

9. Muminov A.K., ed. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. T. III: Mu'izz al-ansab (Proslavlyayushchee genealogii)* [History of Kazakhstan in Persian Sources. Vol. 3: Glorifying the Genealogies]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2006. 672 p.

10. Kadyrbaev A.Sh. Khubilay-khan – zavoevatel ili obyedinitel Kitaya? [Khubilay Khan – Conqueror or Unifier of China?]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2009, vol. 39, pt. 1, pp. 56–75.

11. Karaev O.K. *Chagatayskiy ulus. Gosudarstvo Khaydu. Mogulistan. Obrazovanie kyrgyzskogo naroda* [Chaghatai Ulus. State of Qaidu. Formation of the Kyrgyz People]. Bishkek, Kyrgyzstan Publ., 1995. 160 p.

12. Minaev I.P., ed. *Kniga Marko Polo* [The Book of Marco Polo]. Gornung M.B., ed. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to Oriental Countries]. Moscow, Mysl Publ., 1997, pp. 190-380.

13. Kychanov E.I. *Osnovy srednevekovogo kitayskogo prava* [Fundamentals of Chinese Medieval Law]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 264 p.

14. Man J. *Khubilay: Ot Ksanadu do sverkhderzhavy* [Kublai Khan: From Xanadu to Superpower]. Moscow, AST Publ.; Vladimir, VKT, 2008. 411 p.

15. Nosov D.A. Rukopis mongolskoy skazki «O starike Borontae» iz sobraniya IVR RAN [Manuscript of Mongolian Folktale “A Tale of the Old Man Borontai” from IOM of RAS]. *Pismennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of East], 2015, no. 1 (22), pp. 5-11.

16. Pochekaev R.Yu. *Zolotaya Orda. Istoriya v imperskom kontekste* [Golden Horde: History Within the Imperial Context]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2021. 206 p.

17. Pochekaev R.Yu. *Legitimatsiya vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstavakh Evrazii. Tyurko-mongolskiy mir XIII – nachala XX v.* [Legitimacy of Power, Usurpers, and Impostors in the States of Eurasia. Turkic-Mongol World, 13th – Beginning of the 20th C.]. Moscow, ID Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 366 p.

18. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. T. I, kn. 1* [Collection of Chronicles. Vol. 1, Book 1]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1952. 221 p.

19. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. T. I, kn. 2* [Collection of Chronicles. Vol. 1, Book 2]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1952. 316 p.

20. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. T. II* [Collection of Chronicles. Vol. 2]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1960. 253 p.

21. Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey. T. III* [Collection of Chronicles. Vol. 3]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1946. 340 p.

22. Rossabi M. *Zolotoy vek imperii mongolov* [Khubilai Khan: His Life and Times]. Saint Petersburg, Eurasia Publ., 2009. 479 p.

23. Tulibaeva Zh. Praviteli Chagatayskogo ulusa (Iz vlecheniya iz «Tarikh-i arba ulus» Mirzy Ulugbeka) [Rulers of Chaghatai Ulus (Extracts from the “History of Four Uluses” by Mirza Ulugbek)]. *Izvestiya Natsionalnogo*

tsentra arkheografii i istochnikovedeniya [Bulletin of the National Center of Archaeography and Source Studies], 2011, no. 2-3, pp. 21-28.

24. Khafizov G.G. *Raspad Mongolskoy imperii i obrazovanie Ulusa Dzhuchi* [Disintegration of the Mongol Empire and Formation of Jochi Ulus]. Kazan, Tatar. kn. izd-vo, 2000. 94 p.

25. Zhao Z.-Ch. *Raspad Mongolskoy imperii* [Disintegration of the Mongol Empire]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardjani AN RT, 2008. 108 p.

26. Enkhchimeg Ts. *Vzaimootnosheniya Chagatayskogo ulusa i Zolotoy Ordy* [Relations of the Chaghatai Ulus and the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization], 2017, no. 10, pp. 152-155.

27. Yurchenko A.G. *Elita Mongolskoy imperii: vremya prazdnikov, vremya kazney* [Elite of the Mongol Empire: Time of Celebrations, Time of Executions]. Saint Petersburg, Eurasia Publ., 2012. 432 p.

28. Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond, Curzon, 1997. 197 p.

29. Hayton. *La flor des estoires des parties d’orient. Recueil des historiens des croisades. Documents latins et francais relatifs a l’Armenie. T. II*. Paris, Imprimerie nationale, 1906, pp. 113-253.

30. May T. *Race to the Throne: Thoughts on Ariq-Boke’s and Khubilay’s Claims to the Mongol Throne*. Bilavski G., Aparaschivei D., eds. *Studia Mediaevalia Europaea et Orientalia. Miscelanea in honorem professoris Emeriti Victor Spinei oblate*. Bucuresti, Editura Academiei Romane, 2018, pp. 343-358.

31. Melville Ch. *Padshah-i Islam: The Conversion of Sultan Mahmud Ghazan Khan*. *Pembrok Papers*, 1990, vol. 1, pp. 159-177.

32. Moule A.C., Pelliot P. *Marco Polo: The Description of the World. Vol. I*. London, George Routledge & Sons, Ltd., 1938. 596 p.

33. Pochekaev R.Yu. *Chinggis Khan’s Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th–14th Centuries: Legal Code or an Ideal “Law and Order”?*. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2016, vol. 4, no. 4, pp. 724-733.

34. Miles Col., ed. *Shajrat ul atrak, or Genealogical Tree of Turcs and Tatars*. London, W.H. Allen and Co., 1838. 383 p.

Information About the Author

Roman Yu. Pochekaev, Doctor of Sciences (History), Candidate of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, HSE University, Kantemirovskaya St, 3A, 194100 Saint Petersburg, Russian Federation, rpochekaev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

Информация об авторе

Роман Юлианович Почекаев, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Кантемировская, 3А, 194100 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, rpochekaev@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4192-3528>